

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Русская мысль»

Карсавинские чтения в Вильнюсе

Вновь и вновь мы обращаемся к именам тех, кто в 1922 году не по своей воле покинул Россию на «философском корабле» или, по официальной формулировке, был «выдворен из РСФСР за враждебное отношение к советской власти».

И сейчас Литва выступила инициатором: 25-27 апреля 1991 года здесь проходили первые Карсавинские чтения, собравшие участников и слушателей из разных городов и научных центров.

Два дня чтения проходили в Вильнюсе, в Национальной библиотеке имени М.Мажвидаса. На третий день выезд «по карсавинским местам» в Каунас, где было проведено мемориальное заседание в университете, которому возвращено имя Витаутаса Великого.

На открытии чтений в Вильнюсе (среди выступавших — министр культуры Литвы Д.Куолис, председатель Литовского философского общества Е.Некрасас) было прочитано приветствие Дмитрия Сергеевича Лихачева, в котором он, в частности, благодарил Лит-

ву, сохранившую наследие Льва Платоновича Карсавина, «славного представителя литовской и русской науки». И присутствующие убедились в том, насколько дорого литовцам все, связанное с Карсавиным.

Об этом свидетельствовали прежде всего выступления в первом, «мемориальном» разделе чтений. Говорили бывшие ученики, слушатели Карсавина, его друзья и соратники (в том числе из круга литовской профессуры, представляющей уже поколение детей), его соратники, наконец те, кто сейчас кропотливо собирает Карсавиниану, восстанавливая «труды и дни», готовя публикации.

Значение этих свидетельств трудно переоценить, и не только потому, что тем самым восполняются лакуны, касающиеся столь значительного периода творческой деятельности Карсавина и соответственно значительного периода в развитии науки.

К мемориальным выступлениям примыкали те, которые можно назвать информативными (второй раздел чтений): они касались петербургского (С.Клементьева) и каунасского (Ж.Корсакова) периодов жизни Карсавина, критики его как «буржуазного профессора-мракобеса» в большевистской печати 20-х годов (М.Бойцов, К.Вах).

Этот мирный период его жизни контрастирует не только с тем, что впоследствии, но и с hic et nunc первых Карсавинских чтений: окна Националь-

ной библиотеки заклеены крест-накрест, как в войну. За ними — оплетенный колючей проволокой парламент, перед ним — Распятие, свечи, цветы, фотографии погибших 13 января. В Каунасе по улицам ходят пятнистые десантники.

Третий раздел чтений был посвящен анализу проблем, поставленных работами Карсавина и в работах Карсавина: проблема свободы в его жизни и творчестве (Д.Станчене), тема жертвы в его философии и историософии (И.Савкин), оценка теоретического наследия св.Августина в творчестве Карсавина (Л.Яковоните), философское завещание Карсавина (К.Иванов), Карсавин и евразийство (И.Савкин), политическая органика Карсавина (А.Добрынин), понятие национальной культуры в работе Карсавина «История европейской культуры» (Л.Лаучкайте-Сургайлене).

В Национальной библиотеке была открыта выставка, посвященная Карсавину: книги и фотокопии его рукописей, главным образом из собрания библиотеки; документы, связанные с его приездом в Литву, в частности переписка со знаменитым литовским писателем В.Креве-Мицкявичюсом, тогда деканом гуманитарного факультета Каунасского университета; иконография — к сожалению, достаточно скудная (естественно, не по вине устроителей), некоторые фотографии еще требуют расшифровки; посвященная Карсавину литература.

К конференции вышел прекрасный номер хорошо известной и за пределами Литвы газеты «Согласие» (№9, 28 апреля 1991), целиком посвященный Карсавину, с очерком его жизни, с воспоминаниями о нем, с фрагментами его произведений, в том числе сонетов и терцин. Апрельский номер еженедельника «Каунасский вестник» (№11, 1991) отдал Карсавину полосу, поместив ранние фотографии знаменитых брата и сестры (о которой он говорил: «Моя сестра — мать английского балета»), Льва и Тамары Карсавиных, из собрания младшей дочери Карсавина Сусанны Львовны, живущей в Вильнюсе; там же помещена современная фотография его дома в благословенном тихом уголке Каунаса (Кревос, 7), рядом с русской церковью, где он молился.

Этот мирный период его жизни контрастирует не только с тем, что впоследствии, но и с hic et nunc первых Карсавинских чтений: окна Националь-

Первая полоса вильнюсской газеты на русском языке «Согласие», целиком посвященной судьбе и творчеству Льва Платоновича Карсавина.

ной библиотеки заклеены крест-накрест, как в войну. За ними — оплетенный колючей проволокой парламент, перед ним — Распятие, свечи, цветы, фотографии погибших 13 января. В Каунасе по улицам ходят пятнистые десантники.

Трагическая биография Карсавина постоянно врывается в академическое течение чтений. Начинающий выставку портрет молодого Карсавина и заключающие его последние, лагерные фотографии — в профиль и анфас — освещали его скорбный путь (цитируя ахматовское «De profundis...»), о ее погибшем поколении) лучше, чем это делали слова.

Но и слова значат многое. Живущий сейчас в Сяктыкаре А.Шеренас, искавший и нашедший могилу Карсавина, нашел и передал организаторам чтений следственное дело Карсавина (оно посылалось в лагерь вместе с заключенным). В деле нет протоколов допросов, есть лишь расписки следователя Туманцева, «получавшего» и «сдававшего» Карсавина три ночи подряд. Среди кипы документов есть и незаполненные бланки (либо времени не было, либо была понятна их бесполезность — характеристика заключенного, его словесный портрет, разработанный до мельчайших и диких подробностей). Поражает огромная история болезни (в лагерь Карсавина доставили уже «инвалидом неработающим», с туберкулезом, приобретенным в следственной тюрьме): измерение температуры, постоянные анализы и т.д. Если бы не было бесценных воспоминаний А.А.Ванеева (опубликованных в 1990 году в журнале «Наше наследие»), могло бы создаться впечатление, что в лагерных больницах проводился образцовый курс лечения. На самом деле даже нечеловеческие усилия врача В.Шимкунаса и друзей Карсавина ничего изменить не могли.

Подавляющее желание сообщить здесь фамилии тех, кто распоряжался судьбой Карсавина и его товарищей по несчастью, всех этих начальников «отдела А», «отделения 2-го отдела» и самого «2-го отдела», а также «1-го отделения», «Внутренней тюрьмы», «Тюрьмы №1» и т.д., привел меня лишь первую страницу дела, с сохранением стиля и орфографии отечественных юристов (тогда литовцев еще не допускали в святая святых — МВД и КГБ Литвы, во всяком случае, к столь важным делам).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о месте отбытия срока наказания)

гор.Вильнюс 1949 года ноября «26» дня Я, Нач. Отд-я 2 отдела следчасти МВД ЛССР Ст.лейтенант ДАНИЛЬЧЕВ, рассмотрев материалы следственного дела № 10418 по обвинению КАРСАВИНА Льва Платоновича (так! — Т.Ц.), 1882 года рождения, уроженца гор.Ленинград, русского, гр-на СССР, с высшим образованием, профессора истории, беспартийного, женатого, проживавшего в гор. Вильнюсе, ул. Диджойи, № 7, кв.8, —

НАШЕЛ:

КАРСАВИН, будучи выдворенным из Советского Союза за враждебное отношение к

советской власти, с 1924 по 1930 год являлся одним из идеологов и руководителей белоэмигрантской контрреволюционной организации «Евразия» за границей, ставившей своей целью свержение советской власти и установление в СССР капиталистического строя. Находясь за границей написал и издал большое количество книг и статей, в которых клеветал на советский строй, политику ВКП(б) и Советского правительства. Пересылал в СССР антисоветскую — евразийскую литературу.

Проживая в гор.Вильнюсе, в 1947-49 гг. вел среди своих знакомых антисоветскую агитацию.

На основании изложенного, —

ПОСТАНОВИЛ:

КАРСАВИНА Льва Платоновича направить для отбытия срока наказания в Особый лагерь.

НАЧ. ОТД-Я 2 ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МВД ЛССР СТ.ЛЕЙТЕНАНТ ДАНИЛЬЧЕВ «СОГЛАСИЕ»; ЗАМ.НАЧ. 2 ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МВД ЛССР МАЙОР ЛЕОНОВ

К счастью, список друзей, учеников, почитателей Карсавина был бы несравненно длиннее. Не имея возможности назвать и малую часть, добавим к перечисленным имя Й.Чепинскиса, врача из Каунаса. Его дядя, В.Чепинскис, был ректором Каунасского университета, пригласившим Карсавина. Й.Чепинскис — один из инициаторов деятельности по реабилитации Карсавина и возрождению его имени.

Организаторы Чтений — Вильнюсский университет, Литовское философское общество, Русский культурный центр и Национальная библиотека имени М.Мажвидаса. Но нам хотелось бы назвать тех, кто по доброй воле и с бескорыстным рвением взял на себя тяжелое, особенно сейчас, дело непосредственной организации и сделал это отлично, начиная с создания особой атмосферы и кончая заботами об участниках и слушателях (вплоть до синхронного перевода с литовского). Это — оргкомитет Чтений: Рима Аглинскяйте, сотрудница Национальной библиотеки, организатор выставки (вместе с Т.Рауделюнасом); координатор и спикер Дарюс Алекна, филолог-классик, аспирант Вильнюсского университета; Татьяна Алекнене, тоже филолог-классик, переводчик с литовского пятитомной «Истории европейской культуры» Карсавина (1-й том скоро должен выйти в свет); Татьяна Ясинская, член редколлегии «Согласия», журналист и spiritus movens самых разнообразных культурных начинаний в Литве.

Все они люди молодые и очень молодые, недостаток опыта с лихвой возмещающие энтузиазмом, трудом, добросовестностью. Это очень ценные качества, но еще ценнее — объединяющий их дух, залог того, что семья, брошенная многими, и в их числе Карсавиным, не упало на камень.

ТАТЬЯНА ЦИВЬЯН

Вильнюс—Москва

ЗАПИСКИ ИЗ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ

Одно из последних свидетельств трагической судьбы Льва Платоновича Карсавина дошло к нам из автографов Валдиса ИКШИНИЧЮСА, находившегося в Абеце уже десять лет к тому моменту, как свихнулся Карсавин. Вскоре в Абеце в 1950 году, по совету В.И.Савкина, было основано лагерь, в во всех содержались около 12 тысяч человек, но так — более тысячи антипов.

После нескольких месяцев сидения в лагере Валдис ИКШИНИЧЮСА, сотрудник библиотеки в Абеце, начал читать «Записки из школьной тетради» Карсавина, которые он обнаружил в библиотеке. Он был поражен тем, насколько талантливым и интересным человеком был Карсавин. Он начал читать «Записки из школьной тетради» Карсавина, которые он обнаружил в библиотеке.

Записки Валдиса ИКШИНИЧЮСА, сделанные аккуратно и тщательно на страничках школьной тетради, были и бесценны — именно эти они и подают читателю. Мы предлагаем Вамшему вниманию рассказ ИКШИНИЧЮСА о последних днях и часах жизни выдающегося ученого. Больше ничего о «Записках из школьной тетради» можно обнаружить на опубликованной в газете «Каунасский вестник» в декабре 1990 — январе 1991 г.

Здоровье профессора слабело с каждым днем. Глядя на другие лица, я видел, что у него уже не было сил. Доктор Шимкунас, врач, который лечил Карсавина, сказал мне, что Карсавин уже не сможет жить еще долго. Я начал читать «Записки из школьной тетради» Карсавина, которые он обнаружил в библиотеке. Он был поражен тем, насколько талантливым и интересным человеком был Карсавин. Он начал читать «Записки из школьной тетради» Карсавина, которые он обнаружил в библиотеке.

Снимок из лагерной фотокамеры Валдиса ИКШИНИЧЮСА (Кому ЛССР), последний момент жизни выдающегося ученого.

Л.П.Карсавину, он тогда же сказал: «Послышай, чтобы я умер в католонии. Можешь написать кому-нибудь из твоих друзей. Привезите его ко мне. Я пишу католонии, испускаю и, принеся, пишу: часть, укажи ту, где была Истина и счастье».

В то время в центральной больнице был только один католический священник Альфред Феликс Кукурискас. Это был обыкновенный католический священник, который до этого исполнял обязанности управившего Лужского епископата. Он сразу же, в четверг 17 июля, пришел к Л.П.Карсавину. В пятницу, т.е. 18 июля до обеда, в 18 часов, я был в Лужском епископате. Карсавин, старый мой друг, позвонил мне. Сказал, что поеду в Господи. Как я близкого друга, братишки Савкина, укажи, где была Истина и счастье, где была Истина и счастье, где была Истина и счастье.

Фрагмент карсавинского номера газеты «Согласие» с рассказом о кончине философа.